

© 2002 г. М.И. ИСАЕВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чтобы понять сущность происходящих процессов, необходимо сначала разобраться в причинах их появления, в их истории. В этом плане несомненно, что большинство современных этнолингвистических проблем на постсоветском пространстве предстают как следствие языкового развития за годы Советской власти, которое само явилось плодом осуществляемой в стране соответствующей национальной политики.

Существует большое количество оценок национальной и национально-языковой политики, проводившейся в Советском Союзе. Некоторые ученые склонны оценивать ее исключительно положительно, как это было в саму социалистическую эпоху. В противоположность этому другие авторы перечеркивают положительное во всем советском опыте. Подобный подход был характерен для многих публикаций в период развала страны. В настоящее время, однако, нигилистическая эйфория проходит, что дает возможность объективной оценки различным этапам языкового развития в СССР.

Богатую событиями историю языкового планирования в нашей стране обычно делят на три периода, характеризующиеся деятельностью ученых по развитию письменностей в определенном направлении:

- а) по усовершенствованию старых алфавитов,
- б) по переводу абсолютного большинства письменностей на латиницу,
- в) по переводу почти всех письменностей на кириллицу (русскую графическую базу).

Однако более глубокое изучение вопроса позволяет уточнить эту периодизацию и выделить по крайней мере шесть основных этапов, каждый из которых обладает определенными специфическими чертами и хронологическими рамками.

Первый этап языкового планирования охватывает несколько послереволюционных лет, а содержание его заключалось в деятельности специалистов по совершенствованию существовавших письменностей, страдавших определенными недостатками.

Из 130 народов страны лишь два десятка имели более или менее строго организованную письменность. Своей "национальной" графикой пользовались лишь русские, украинцы, грузины и армяне. Около полутора десятков мусульманских народов в разной мере использовали арабскую графику (среди них такие довольно многочисленные, как узбеки, татары, казахи, азербайджанцы, таджики). Арабская графика в ту пору полностью устраивала мусульманское духовенство, преследовавшее в основном религиозные цели. С другой стороны, недостатки этого письма не были особенно заметны, когда люди писали от руки. Однако с началом интенсивного развития книгопечатания и массового обучения грамоте недостатки древней графики резко выявились и стали тормозом в распространении грамотности и просвещения. Следует заметить, что на недостатки арабской графики обращали внимание многие прогрессивные деятели самого востока. Так, выдающийся азербайджанский ученый, писатель и мыслитель Мирза Фатали Ахундов (1812–1878) яростно критиковал руководителей мусульманских народов, которые "согласны с необходимостью провести всякую другую реформу, но не хотят реформировать алфавит, тогда как он является

основой всех этих реформ" [КПВ 1931: 22]. Ученый сам составил несколько проектов усовершенствованного письма (хотя бы применительно к тюркским народам). Среди его проектов были и такие, в которых в качестве базы брались латиница и кириллица. Как часто это случается, голос ученого в свое время не был услышан и лишь десятилетия спустя идеей Ахундова воспользовались в Турции, затем и в Азербайджане.

Сторонником реформы арабской графики выступил и известный персидский политический деятель и литератор Мирза Малькомхан (1833–1908), который столь же яростно старался провести в жизнь идею Ахундова. Среди других критиков арабской графики значится также Ф. Энгельс, который, как известно, активно занимался национально-языковыми проблемами.

Лозунги партии и правительства советского многонационального государства, призывавшие к ликвидации в стране безграмотности, побудили ученых-лингвистов вплотную заняться вопросами письменности – основой образования и просвещения. За сравнительно короткий срок (3–4 года) были усовершенствованы почти все существовавшие письменности. В частности, были внесены определенные поправки в систему арабизированной письменности, которой пользовались в целом ряде мусульманских народов страны. Характерно, что в разгар обсуждения проблем письменности и в русскую орфографию были внесены определенные изменения в несколько этапов. Так, основные поправки были утверждены законодательным актом Советского правительства от 23 декабря 1917 года. Целью реформы была демократизация графики русского языка, упорядочение и упрощение правописания, что имело большое значение в период развертывания борьбы за ликвидацию неграмотности трудящихся масс страны.

Второй этап языкового планирования в СССР связан с исключительно сложной деятельностью ученых и властей по переводу графических основ нескольких десятков письменностей на латиницу (20–30 гг.). Это было вызвано объективно тем, что несмотря на известное усовершенствование, многочисленные письменности на арабской (как и на древнейгурско-монгольской) графике еще оставались сложными и в известной мере препятствовали успешному развитию работы по ликвидации безграмотности населения. На данном этапе языкового планирования деятелям культуры и просвещения огромную помощь оказали такие ученые-лингвисты, как Н.Ф. Яковлев, А.А. Реформатский, Е.Д. Поливанов, С.Е. Малов, Н.К. Дмитриев, А.К. Боровков, К.К. Юдахин, Д.В. Бубрих, В.И. Лыткин, В.И. Абаев, Н.Я. Марр и др. Они в сравнительно короткий срок разрешили множество теоретических и прикладных вопросов, без чего невозможно было реформирование старых и создание новых письменностей. Так, на базе достигнутых успехов теоретического языкознания необходимо было разработать научно обоснованный алфавит для массового практического применения. Среди ученых по этой проблеме существовали расхождения по ряду принципиальных вопросов. Одни, например, считали, что алфавит должен быть фонетическим, т.е. должен отражать все без исключения звуки языка. Другие, наоборот, настаивали на его фонемном характере, когда в алфавите существуют обозначения лишь для фонем (основных смыслоразличительных звуков).

Отдельными учеными выдвигались различные теоретические положения. Так, Н.Ф. Яковлев предложил "математическую формулу" построения алфавита, существо которой сводилось к максимальной экономии буквенных знаков. Это подходило особенно к языкам с большим количеством согласных фонем, каковыми являются в своем большинстве языки кавказских народов. Подобный подход к графике отстаивал и А.А. Реформатский, который считал, что "любой графический знак дан в отношении восприятия в ряде графических признаков..." [ПР 1933: 48]. По мнению А.А. Реформатского, алфавит, если он рациональный, должен обладать не только индивидуальной, но и групповой, систематической дифференциальностью знаков. Языковеды полагали, что алфавиты должны целостно и органически отражать структуру языка, и в первую очередь его фонемный состав, избегая одновременно

лишних знаков. К создаваемым письменностям свои претензии предъявляли также педагоги и психологи.

Своего теоретического и чисто практического решения требовали некоторые другие вопросы, среди которых особняком стоит необходимость определения диалектной базы будущих литературных языков. Дело в том, что слоговое арабское письмо несколько скрывало диалектное членение языка. Но фонематическая письменность нуждается в точном определении не только количества, но и качества фонем. А это можно сделать лишь на основе определения базового диалекта (а порой и говора) для национального литературного языка. Следует отметить, что работа ученых над проблемами письменностей продолжалась на протяжении десятилетия и проходила параллельно с практической деятельностью по созданию новых алфавитов для многочисленных языков.

Что касается конкретных шагов, то тут пионерами оказались прогрессивные представители азербайджанской интеллигенции (по-видимому, их, кроме всего прочего, вдохновляла соответствующая деятельность уже упомянутого ученого и писателя М.Ф. Ахундова и тот факт, что близкородственные турки уже латинизировали свою письменность). Здесь в 1922 г. была создана специальная "комиссия латинистов" во главе с авторитетным политическим и культурным деятелем С. Агамали-Оглы, которая представила азербайджанскому правительству проект латинизированного алфавита. После тщательного обсуждения проект был одобрен.

Пример азербайджанцев воодушевил другие народы и движение латинистов (вдохновляемое и, конечно же, поддерживаемое партийным и государственным руководством страны) получило свое широкое распространение. Так, в 1925 г. на второй конференции по просвещению горских народов Северного Кавказа было принято решение о латинизации письменности ингушей, кабардинцев, карачаевцев, адыгейцев, чеченцев. В следующем, 1926 г. в Баку состоялся Всесоюзный тюркологический съезд, посвященный проблемам латинизации письменностей тюркоязычных народов. В работе съезда участвовали также представители горских кавказских народов. На съезде был создан Центральный комитет нового тюркского алфавита под руководством председателя ЦИК Азербайджана С. Агамали-Оглы. Комитет проделал очень сложную и важную работу по латинизации алфавитов, а также по созданию новой письменности на основе латинской графики и для некоторых малочисленных народов. В результате в конце 20-х – начале 30-х гг. латинизированный алфавит был принят в Азербайджане и во всех республиках Средней Азии, а также в ряде автономных республик и областей.

В оценке **второго этапа** языкового планирования в СССР преобладают положительные мнения. Абсолютное большинство историков, культурологов и лингвистов, сходятся на том, что это стало одним из самых значительных предприятий с точки зрения поднятия культурного и образовательного уровня многочисленных ранее отсталых народов страны. Благодаря выработке современных письменностей для них открылась возможность небывало быстрой ликвидации неграмотности народных масс, развитие народного образования, подготовки национальных кадров, необходимых для совершения культурной революции.

Понимая значение всего процесса латинизации, отдельные авторы делают упор на "жесткие, тоталитарные методы", которыми проводилась реформа письменностей. Тут трудно возразить. Но следует иметь в виду, что в ту эпоху всем мероприятиям давалась "классовая оценка" и, соответственно, пресекалось всякое сопротивление "генеральной линии партии и правительства". Правы и те, которые отмечают желание властей, заменяя арабскую графику латиницей, "подрубить корни исламу" у мусульманских народов. К этим отрицательным моментам можно добавить еще и то, что едва ли стоило менять письменности у тех народов, которые уже пользовались не арабской графикой, а кириллицей (осетины, чуваша, марийцы, мордва) [Исаев 1979: 236].

Успех столь грандиозного мероприятия можно объяснить многими факторами,

среди которых следует выделить три. Во-первых, это объективная историческая необходимость его свершения. Во-вторых, активное участие в его проведении ученых-специалистов, деятельность которых поощрялась и поддерживалась властями на всех уровнях, начиная с общесоветских и до республиканских, областных и районных. Наконец, в-третьих, это престиж латиницы, которая многими считалась в то время "письменностью мировой пролетарской революции", "мирового коммунизма".

Как самостоятельный, **третий этап** языкового планирования в СССР можно выделить деятельность ученых-специалистов по созданию письменности для ранее бесписьменных народов. Хронологически он совпадает со вторым этапом (20–30-е годы), а по содержанию они расходятся. Деятельность ученых в этот период была сосредоточена вокруг проблем определения так называемого опорного диалекта, установления фонологических систем письменного языка и проч.

После того, как переход подавляющего большинства письменностей на латинскую графику свершился, Центральный комитет нового тюркского алфавита, деятельность которого давно вышла за национальные рамки Азербайджана, был реорганизован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита при ЦИК СССР (ВЦКНА). Это произошло в 1930 г. ВЦКНА являлся научно-организационным центром по решению общих и теоретических вопросов, связанных с разработкой новых алфавитов и развитием новых письменных и литературных языков. Хотя аппарат Комитета был весьма ограничен (всего 29 человек), работа в четырех его комитетах (кавказском, тюркско-татарском, угро-финском и технологическом) происходила исключительно интенсивно. Комитет в своей деятельности опирался на довольно густую сеть местных комитетов (количеством 35). Особая забота была проявлена о языках малочисленных народов Севера, о чем следует сказать несколько подробнее.

В научной литературе такие языки еще называют "языками народов Крайнего Севера и Дальнего Востока". Под этим названием обычно объединяют 26 малочисленных "коренных" народностей, разбросанных на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на их сравнительную малочисленность (от нескольких сот до нескольких десятков тысяч), они занимают больше половины (а именно, 64%) всей территории Российской Федерации.

Ученые давно обратили внимание и заинтересовались языками северных народностей. Первые публикации списков слов отдельных языков народов Севера появляются в конце XVII – начале XVIII в. Что касается первой попытки генетической классификации этих языков, то она принадлежит перу шведского ученого О.И. Страленберга и была осуществлена в конце первой трети XVIII в.

С основанием Российской академии наук (РАН) интерес к народностям Севера приобретает широкий и систематический характер. Пионером в этом деле считается крупнейший русский ученый первой половины XVIII в. В.Т. Татищев, под руководством которого были составлены списки слов и сравнительные словари по языкам и диалектам обско-угорской, самодийской, тунгусо-манчжурской и палеоазиатской лингвистических групп.

О большом научном интересе к языкам народов Севера и Сибири свидетельствует и такой факт. Как известно, в 1787–1789 гг. вышли из печати первые два тома знаменитого компендиума "Сравнительный словарь всех языков и наречий", включающий лексический материал около двухсот языков и наречий, **ч е т в е р т у ю** часть которых составляли языки и диалекты народностей Севера и Сибири. Лексический материал этих языков ученых привлекал с точки зрения предпринимавшихся в то время интенсивных поисков оптимальных классификаций народов и языков по их генетическим характеристикам. Позднее, с первой четверти XIX в. к этому добавляется другая цель. Христианские миссионеры для распространения своей религии среди народностей Севера нуждались в знании их языков, на которых желательно было создать основы письменности. Так, в 1846 г. Академия наук издает "Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка", составленный миссионером И.Е. Вениаминовым. Несколько менее успешно проходила деятельность некоторых других рели-

гиозных деятелей по созданию учебников ряда других языков. Причина заключалась в малоизученности самих языков и отсутствии филологического образования у большинства миссионеров.

В конце XIX – начале XX в. большая и сложная работа по изучению языков северных народов была проведена группой народовольцев, сосланных на Дальний Восток. В.И. Иохельсон изучал корякский, юкагирский и алеутский языки, В.Г. Богораз-Тан – чукотский, ительменский и ламурский, А.Я. Штернберг – гилацкий, аинский и отчасти гольдский. Они же составили первые – ценные по фактическому материалу – словари и грамматики этих языков.

В советское время началось глубокое изучение истории, этнографии и языков малых народностей Сибири и Севера. При этом учеными руководил не чисто теоретический интерес к "диким" народам, а сознание необходимости возрождения этих народов, поднятия их на социальную и культурную революцию. Без подготовки соответствующих кадров из среды малых народностей нельзя было вплотную приступить к культурному строительству на Севере. Так, в 1925 г. при рабфаке Ленинградского университета была открыта северная группа и набраны первые 20 студентов – представителей народностей Севера. Их обучали грамоте на родном языке и давали им обычное общее образование. По инициативе А.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана на северном факультете Ленинградского института востоковедения в 1926 г. началось преподавание национальных языков среди обучавшихся там студентов-"северян". Первым начал преподаваться эвенкийский язык, для которого был разработан алфавит на латинской основе, а к 1930 г. и другие основные языки. Еще до этого студенты географического факультета Ленинградского университета ездили в качестве учителей и секретарей сельсоветов в северные районы для изучения местных языков. В 1930 г. работа приняла организованный характер, был создан Институт народов Севера (ИНС) и Научно-исследовательская ассоциация при нем. Создание ИНС знаменует собой новый этап в изучении Севера, его народов и их языков. Ближайшей практической задачей института становится создание письменности на языках народов Севера. В 1930 г. открывается северное отделение при Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, сыгравшее выдающуюся роль в подготовке национальных кадров для народов Севера. В процессе учебной и научно-исследовательской работы был создан единый северный алфавит (ЕСА), который был принят в 1929 г. на заседании Комиссии национальных языков и культур малых народностей Севера (при Северном факультете).

Создателями письменности для северных народов зачастую выступали сами учителя, работавшие на далеком Севере. В 1928 г. в Хабаровске был издан букварь нанайского языка ("Первая грамота"), составленный Н.А. Липской-Вальронд. В 1930 г. в Аркинской школе Охотско-Эвенского национального округа учителями составлен эвенкий (ламутский) словарь на русской графической основе В.И., а в Ногаеве краевед Левин в 1931 г. составил букварь на латинском шрифте и размножил его в 200 экз. В течение двух лет школы Корякского национального округа вели занятия по этим букварям. Тогда же группа учителей корякской культбазы составила корякский букварь. Работа по созданию письменности для народов Севера натолкнулась на противодействие отдельных работников, которые предлагали, например, в Архангельской губернии и на Урале просто усилить изучение русского языка, а специальной письменности для Севера вообще не создавать, ссылаясь на отсталость и малочисленность его народов. Такие взгляды после глубокого изучения не были поддержаны Комитетом Севера.

Научно-исследовательская ассоциация при ИНС привлекала к работе лингвистов, этнографов и студентов. К концу 1930 г. она разработала и представила в ВЦК НА проект "Единого северного алфавита" на основе латинской графики, который был 23 февраля 1931 г. утвержден. В январе 1932 г. была созвана I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера.

В работе конференции принимали участие представители Наркомпроса РСФСР, Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, ВЦК НА и ЦК НА РСФСР, Института народов Севера, Академии наук, Научно-исследовательского института языкознания, Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, Историко-лингвистического института, Нацсектора Учпедгиза, ленинградских отделений Партиздата и Учпедгиза, и делегаты с мест – с Дальнего Востока, из нацокругов Эвенкийского, Остяко-Вогульского, Ямальского и Ненецкого, из Мурманского округа. На пленарных заседаниях было прослушано восемь докладов, которые подверглись широкому обсуждению. В принятой по докладу резолюции конференция прежде всего высказалась за коренизацию аппарата, школы и прессы в национальных округах, районах и сельсоветах, а в отношении случаев утраты населением национальных языков постановила: "1) в тех случаях, когда национальный язык не полностью утрачен, коренизация должна проводиться на языке этого народа; 2) в тех случаях, когда национальный язык утрачен полностью, коренизация должна проводиться на языке ассимилировавшей данную народность национальности".

Далее в резолюции сказано: "Утвердить разработанный Научно-исследовательской ассоциацией (ИНС) проект создания следующих 14 национально-литературных языков: 1) саамского (лопарского), 2) ненецкого (юракского), 3) маньсийского (вогульского), 4) хантыйского (остяцкого), 5) селькупского (остяко-самоедского), 6) кетского (енисейско-остяцкого), 7) эвенкийского (тунгусского), 8) эвенского (ламутского), 9) нанайского (гольдского), 10) удэгейского, 11) луветланского (чукотского), 12) нымылландского (корякского), 13) нивухского (гилякского), 14) юпикского (эскимосского)". В дополнение к сказанному конференция признавала необходимым "создание ительменского и алеутского национально-литературных языков". Кроме того, сочтено было "возможным обслуживание племенных диалектов: 1) негидальского – эвенкийским национально-литературным языком, 2) орочского – удэгейским национально-литературным языком, 3) ульчского – гольдским национально-литературным языком" [РП 1932: 7–12]. В качестве вопросов, подлежавших обстоятельному изучению, были определены: 1) изучение и создание тавгийского и юкагирского национально-литературных языков, 2) возможность обслуживать маду (енисейских самоедов) ненецким национально-литературным языком и карагасов – тувинским национально-литературным языком.

Новый вариант алфавита народов Севера, утвержденный на конференции, отражал результаты значительной доработки. Так, упрощены были некоторые диакритические знаки, служившие для обозначения шипящих звуков. Кроме того, специальными знаками начали обозначать палатализацию согласных и долготу гласных. На конференции обсуждался вопрос о принципах построения учебника для народов Севера. Были отмечены существующие недостатки и указаны пути их ликвидации. Был также установлен конкретный набор учебников для северных школ и утвержден издательский план на 1932 г., согласно которому Северная секция Ленинградского отделения Учпедгиза должна была издать на 16 национальных языках 49 изданий и на русском языке 30 изданий. Кроме того, было намечено выпустить 8 названий научно-исследовательских трудов по северным языкам.

Развитие письменности на северных языках ставило все новые и новые вопросы, над решением которых трудились многие российские ученые. Очередное совещание представителей комитетов нового алфавита народов Севера совместно с Наркомпросом РСФСР и Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК по вопросам развития письменности на языках народов Севера проходило в 1934 г. в Москве. На нем были подытожены результаты проделанной работы. В частности была отмечена исключительно важная роль, которую сыграла письменность народов Севера в культурном строительстве края – в ликвидации неграмотности и развитии народного образования. Изучив накопленный опыт и учитывая запросы с мест, участники конференции пришли к выводу о необходимости введения некоторых уточнений в сроках коренизации.

В частности, было признано целесообразным и важным во второй пятилетке обеспечить коренизацию I и II классов. Вместе с тем в школах ительменов и кетов, чьи дети в основной массе владеют русским языком, преподавание с I класса начальной школы решено было проводить на русском языке. Было сочтено целесообразным в других школах преподавание русского языка ввести со второго года обучения, с тем, чтобы начиная с III класса обеспечить преподавание всех предметов на русском языке. Родной язык при этом сохранялся как предмет преподавания.

При создании письменностей для народов Севера перед учеными и работниками просвещения возникло множество трудностей. Однако несмотря на это, учеными-североведами была проделана огромная работа, были достигнуты большие успехи. Создание письменности на 11 языках, разработка школьных и вузовских пособий по языкам Севера, налаживание школьного и вузовского обучения на этих языках, несомненно, явилось делом большой культурно-политической важности.

К сожалению, результаты проведенной российскими учеными огромной научно-исследовательской и организаторской работы во многом оказались напрасными, так как языки народов Севера не получили сколько-нибудь большого развития. Причины этого – двоякого характера, объективного и субъективного. К объективным можно отнести малочисленность каждой народности, ее разбросанность на большой территории и наличие в языке множества диалектов. Все это, разумеется, не способствует становлению и закреплению созданных литературных языков. Еще более существенными представляются субъективные причины, ставшие на пути развития полноценных литературных языков народов Севера и Сибири. К ним необходимо отнести произошедший в конце 30-х гг. перевод графической основы алфавитов северных народов с латинской на кириллицу. Благодаря этому письменности, едва укрепившись, по существу были разрушены. Более того, некоторые народности (ительмены, саами, удэгейцы, шорцы) в процессе этой "перестройки" вовсе утратили свои письменности. Другую причину, тормозившую развитие национальных языков и культур северных народностей, можно назвать "социально-экономической". Дело в том, что развернув в 60–70 гг. фронтальное освоение Севера и Сибири, власти и хозяйственники не приняли во внимание хрупкость и ранимость среды обитания малочисленных народов. В процессе строительства промышленных предприятий наносится урон оленьим пастбищам и нерестилищам рыб. В то же время именно оленеводство и рыболовство составляли основу хозяйственной жизни и быта малых народностей. В особенности 50–80-е годы сыграли драматическую роль в жизни малых народов Севера. Именно в эти годы они потеряли основную часть своих стойбищ и вынуждены были изменить традиционный образ жизни, так как переместились в промышленные города и порты. Развитием индустрии Севера и Сибири, включением в него аборигенных народов был нанесен непоправимый урон традиционной культуре, включая родные языки таких народностей, как эскимосы и нивхи, саами и селькупы, ханты и манси, эвенки и ульчи, нанайцы, эвены, коряки и другие.

В этой непростой ситуации интеллигенция справедливо ставит вопрос о необходимости срочного принятия ряда мер, могущих остановить дальнейшее осложнение социальной обстановки у народов Севера и Сибири, возрождения их национальных культур и родных языков. В частности, ставится проблема дальнейшего развития имеющихся письменностей и создания их для бесписьменных народностей. Стоит также вопрос о переходе начальной школы на национальный язык обучения.

Пожалуй, наибольшие расхождения во мнениях ученых наблюдаются при оценке **четвертого этапа** языкового строительства в СССР, содержание которого связано с переводом в 30-е годы письменностей большинства народов страны на кириллицу (русскую графическую базу). В связи с этим следует на данном вопросе остановиться несколько подробнее, отделив объективное составляющее от субъективного.

Прежде всего следует заметить, что история использования кириллицы народами нашей страны простирается на целое тысячелетие. Первый период распространения кирилловского письма наблюдается в раннее средневековье и связан с принятием на

Руси христианства. Второй период начинается с XVII в. и длится несколько столетий, в течение которых стараниями православных миссионеров кирилловское письмо прививалось ряду российских народов. Так, история использования кириллицы у чувашей начинается с 1769 г., когда публикуются "Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка", в которых использован кириллический алфавит архиеерея Вениамина Пуцека-Григоровича. С тех пор алфавит у чувашей совершенствовался неоднократно, но своей графической базы не менял ни разу. Кирилловская письменность у мордвы существует с последней четверти XVIII в. и по сей день. Она также неоднократно совершенствовалась, но в своей основе оставалась кириллической.

Несколько более древними являются памятники письма у марийцев (вторая половина XVIII в.), но до сих пор основой его остается кириллица. Характерно, что все существовавшие письменности на кириллице функционировали у православных народов.

В начале 30-х годов общественность СССР начинали готовить к переходу на кириллицу письменностей, которые лишь десятилетие (а некоторые и меньше) функционировали на латинской графике. Объяснение было примерно такое: латинская графика сделала свое благое дело, т.к. на ее базе ликвидирована безграмотность широких народных масс, а теперь она становится тормозом на пути сближения языков народов СССР с русским языком. На вопрос "Почему же сразу нельзя было перейти на кириллицу?" отвечали, что в 20-е годы народ был неграмотный, а наши недруги могли бы такой шаг истолковать как рецидив русификаторской политики царизма. Если же рассуждать с высоты нашего времени и неполитизированно, то можно провести следующий анализ происходившего. В 20-е годы, как известно, существовали иллюзии, что вслед за Россией и по ее примеру революция прокатится по Европе, затем и по Азии. Что касается латинской графики, то она воспринималась как "основа письменности мировой социалистической революции". (Не даром существовал и проект перевода русской письменности также на латинскую графику.) В 30-е годы руководителям партии и правительства стало ясно, что "мировая революция запаздывает". Курс был взят на "построение коммунизма в отдельно взятой стране". Как следствие – изменилась и национально-языковая политика. Курс был взят на "максимальное сплочение всех народов СССР вокруг русской нации". Значит, и графика должна быть единой. Однако армяне и грузины сохранили свои древние графики, остальные в течение нескольких лет русифицировали свои письменности. Чтобы понять отличительные особенности двух "лингвистических потрясений" (латинизации и переход на русскую графику) следует еще вспомнить, что и эпохи отличались, т.к. к 30-м гг. тоталитарные методы правления государством и обществом уже окрепли и стали нормой в СССР.

Следует еще отметить и то обстоятельство, что в отличие от латинизации письменностей, которая тщательно готовилась учеными, переход на русскую графику совершился властями. Как бы по сигналу из "центра", республиканские руководители спешно провозглашали русифицированный алфавит "основой письменностей всех братских народов СССР" и без должной предварительной подготовки издавали соответствующие законодательные акты. Во второй половине 30-х гг. начался повальный процесс перехода республик и автономных областей на русскую графическую базу. В 1936 г. первыми перешли на русскую письменность кабардинцы, затем близкородственные к ним адыгейцы, вслед за которыми народы Средней Азии, Поволжья, Дагестана, Азербайджана. Произошедший во второй половине 30-х гг. переход на русскую графическую базу породил множество новых проблем развития литературных языков. Их решением занимались ученые-филологи в центре и на местах, деятельность которых на протяжении около сорока лет (включая военные и послевоенные годы) составляет особый, **пятый этап (1940–1979)**. Его характеризуют поиски путей дальнейшего усовершенствования алфавитов и орфографий, усиление работы по составлению новой многоотраслевой терминологии, разработка вопросов

культуры родного языка, а также русской речи у нерусского населения и национальных республик и областей.

Как известно, в годы Советской власти происходили определенные процессы сближения народов страны не только в материальной, но и в духовной сферах жизни. Это, разумеется, процесс объективный, в особенности в рамках любого многонационального государства. Другое дело, что эти процессы руководством страны подталкивались, им придавалось неестественное ускорение. Очевидно, что процессы развития и сближения наций не могут не влиять на языковое развитие. Более того, лишь на их фоне, с учетом их специфики можно достаточно глубоко раскрыть многие явления, происходившие в многочисленных языках народов СССР. От характера взаимоотношений самих народов зависит и характер взаимодействия их языков.

Национальные отношения складываются из разнородных компонентов, представляющих собой экономические, социальные, идеологические и психологические явления. Каждый структурный элемент системы национальных отношений по-своему включается в общий процесс взаимовлияния и взаимообогащения наций. В производственной жизни, в материальной культуре этот процесс развивается быстрее, в духовной, в особенности в языковой, – медленнее.

Язык, будучи всесторонне связанным с жизнью нации (народности), имеет свою специфику и относительную самостоятельность в своем развитии и взаимодействии с другими языками. Несомненно, большую роль играет степень структурной в генетической близости взаимодействующих языков. Однако на взаимодействие языков общественные условия оказывают несравненно большее влияние, чем фактор сходства и различия языков. Что касается интенсивности процессов взаимодействия, то она всецело зависит от интенсивности процессов обмена материальными и культурными ценностями между народами, от степени интернационализации различных сторон жизни наций и народностей. Только в этом социологическом плане можно понять сущность и характер таких сложных явлений, как взаимодействие и взаимообогащение языков. Под взаимодействием языков обычно понимают все возможные разновидности взаимовлияния, взаимопроникновения двух и более языков и диалектов, заимствования каким-нибудь одним языком различных языковых фактов из других языков, а также результаты контактирования языков в разные периоды. Содержание термина "взаимодействие языков" охватывает все языковые явления, обозначаемые обычно терминами "языковая смена", "смещение языков", "скрещивание языков", "суперстрат" и т.д. Все эти термины по своему содержанию уже, чем термин "взаимодействие языков". Еще в 1926 г. Л.В. Щерба отмечал: "Понятие смещение языков – одно из самых неясных в современной лингвистике, так что, возможно, его и не следует включать в число лингвистических понятий, как это сделал А. Мейе". Л.В. Щерба предлагал заменить этот термин термином "взаимное влияние языков" [Щерба 1958: 40]. Взаимное влияние языков имеет большое значение для их развития. Известно, какую высокую оценку выдающихся лингвистов прошлого получила эта проблема. Так, Г. Шухардт писал: "Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языковедение, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смещения (имеется в виду взаимовлияние языков. – *М.И.*). Она должна быть подвергнута тщательному изучению прежде всего там, где имеются наиболее благоприятные условия как для наблюдения самого процесса смещения, так и для научного его изучения" [Шухардт 1950. 175]. В зависимости от конкретных исторических условий процессы взаимодействия языков могут проходить по-разному. Для примера возьмем отношения языков английского и нормано-французского в Англии в XI–XIV вв. После победы норманнов над англо-саксонской знатью (1066) норманны стали полновластными хозяевами в стране. Только в годы правления Вильгельма Завоевателя (1066–1087) в Англию, все население которой составило 1,5 млн. человек, переселилось свыше 200 тыс. человек [Тышлер 1964: 14 и сл.]. Долгие годы (около полутора веков) правящим классом в Англии были чужеземцы, пользовавшиеся французским языком, который считался государственным. Но и англичане

вынуждены были изучать нормано-французский, что привело к значительному двуязычию. Объективные конкретные условия привели к тому, что сами норманны, не добившись всеобщего распространения своего языка, вынуждены были учить язык поработенного народа. Это привело к встречному двуязычию. В результате многовековой борьбы все же победил язык коренных жителей страны. Однако это был уже язык, значительно видоизмененный под влиянием нормано-французского языка. В плане нашей темы большой интерес представляет вопрос об этапах проникновения французских слов в английский язык. Как отмечает И.С. Тышлер, в период господства норманнов французские слова проникали в английский язык очень медленно, в течение 100 лет после вторжения заимствовано незначительное количество слов. Однако во второй половине XIII и в течение XIV вв., когда старые обиды и несправедливости завоевателей стали забываться, а их язык стал вытесняться английским, в последний полился поток французских заимствований, продолжавшийся и в последующие столетия. В результате тесного взаимодействия английского с французским и другими языками он претерпел значительное влияние последних, что сказалось в особенности на лексике. Как известно, 60–70% словарного фонда английского языка составляют иноязычные заимствования.

Примерами взаимовлияния языков история изобилует. При этом, как было сказано, в прошлые эпохи взаимодействие языков происходит в обстановке насилия, завоеваний и порабощения одних народов другими. Вспомним хотя бы средневековый Восток с возвеличиванием арабов, распространением ислама, что привело к исключительно сильному воздействию их языка на десятки других. Например, в таких языках, как турецкий и персидский, арабские заимствования составляют до 70–80% специальной лексики этих языков. Исторические события привели к тому, что арабская лексика проникла в десятки языков народов, принявших ислам. Известны также факты взаимовлияния других языков Востока. Так, иранские языки оказали сильное воздействие на такие древнеписьменные языки, как армянский и грузинский. Результатом усиленных языковых контактов, в какую бы эпоху они ни происходили, как правило, было взаимообогащение, т.е. усвоение определенных лексических элементов, усиливавших выразительные возможности языков. Взаимообогащение – процесс двусторонний, т.е. это такой вид взаимодействия языков, при котором обогащаются все контактирующие языки. При этом объем вклада одного языка в другой (или другие) может быть неодинаковым. Языки с наибольшим общественным значением, более развитыми литературными традициями и разнообразной терминологией обычно вносят больший вклад в развитие других языков, чем получают от них сами. Типичным примером в этом отношении могут служить многие старописьменные языки национальных республик бывшего СССР, взаимодействующие с местными младописьменными, бесписьменными языками и диалектами. Скажем, такие языки с древними литературными традициями, как армянский, грузинский, таджикский, значительно обогатили лексику языков малочисленных соседских народов с более молодой письменностью (или вовсе не имеющих письменности на родном языке).

Другая особенность процесса взаимодействия заключается в его исторической определенности. Это значит, что характер взаимодействия двух (или нескольких) данных языков может с течением времени претерпевать определенные изменения. В зависимости от конкретных исторических условий сила воздействия одного языка на развитие другого зачастую резко меняется. Общеизвестно, например, что в нашу эпоху из русского языка и через него в другие языки России попадает гораздо большее количество слов, чем из них в русский. Однако в разные периоды своего развития и сам русский впитал немало лексических единиц из других языков. К сожалению, еще достаточно не изучены вопросы, связанные с обогащением русского языка в процессе взаимодействия с языками соседних народов – тюркских, иранских, кавказских, финно-угорских и др. Как показывают исследования, наиболее ранние языковые контакты славян происходили с иранскими, финскими (в первых веках нашей эры) и тюркскими племенами (в V–VII вв.). Специалисты выделяют несколько

периодов в истории обогащения русского языка, каждый из которых имеет свои специфические особенности.

1) I–VIII вв. (до образования Киевской Руси). Этот период характеризуется широким проникновением в язык восточных славян древнеиранских (ср., например, сармато-аланские заимствования: *див, рай, хворый*), финских (ср. старую топонимику и гидронимику: *Москва, Кама, Пермь, Урал* и проч.), адыгских и тюркских лексических элементов (ср. булгаро-хазарские заимствования в русском языке: *ковер, товар, валух, каган, бек* и проч.).

2) IX–XII вв. (Киевская Русь) характеризуются развитием русско-иранских (ср. *бадья, баштан, болван, булат, бумага, гиря, караван, корда, люлька, сарафан, сарпинка, сафьян, топор, чердак, шаровары, шатер, шах* и проч.), русско-финно-угорских (ср. *карбас, камбала, ляпка, палтус, пурга, сайда, салака, семга, сиг, сорога, таймень, тундра, хариус, нерпа, шуга* и проч.), русско-тюркских языковых связей (ср. печенего-половецкие заимствования в русском языке: *курган, ковш, кабан, очаг, башмак, чугун, чубук, чапран, кибитка, камыш* и др.).

3) XIII–XV вв. Это период монгольского нашествия, который ознаменован воздействием на русский язык языка Золотой Орды, через которую шли также заимствования из арабского, персидского, монгольского и более древних – из санскрита, китайского, тибетского и проч. (ср. золотоордынско-кипчакские заимствования: *ярлык, камча, башлык, балык, сарай* и др.).

4) XVI–XIX вв. Период присоединения к России народов бывшего Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского ханств, Средней Азии и Кавказа. Новые интенсивные контакты привели к новым заимствованиям (ср. кавказские заимствования: *сакля, абрек, бурка, лаваш, папаха, мацони; инжир, изюм, коран, мулла, дервиш, шариат* и проч.).

5) Период после Октябрьской революции. К заимствованиям этого периода относятся, например, тюркские: *пиала, паранджа, кетмень, арык, чайхана, кишлак, аксакал, басмач, карагач* и проч.

Особенно значительное место занимают тюркские заимствования, которые проникли в русский язык в разные периоды из разных языков и диалектов. По своей тематике тюркские заимствования относятся к самым различным лексическим пластам русского языка. Ср., например:

а) явления природы и географические понятия: *буран, бархан, такыр, курган*;

б) растения: *карагач, тал, тут, саксаул, шафран, сабза, инжир, изюм, алыча, урюк, кунжут* и др.

в) животный мир: *архар, джейран, кишк, сайга, балык* и др.;

г) административно-социально-экономическая терминология: *меджлис, хан, эмир, есаул, мирза, аксакал, чайхана, караван-сарай, базир, майдан, мулла, муфтий, казий, коран, аллах, газават, дервиш, имам, ишан, гюр, мазар, шариат, адат, шейх, халиф, гурия, пери, шайтан, джин, минарет, мечеть* и др.

д) поселения, дом и домашняя утварь: *кишлак, аул, очаг, сандал, мангал, кизяк, пиала, кумган, кетмень, арба, аркан, камча*;

е) одежда: *халат, тулуп, чалма, паранджа*;

ж) пища, напитки: *плов, кавардак, шурпа, катык, бешбармак, манты, кумыс, айран, какчай, арака, шербет, чилим*;

з) косметика: *хна, амбра, сурьма* и др.

В русском языке почти нет непосредственных заимствований из монгольских языков (если не считать диалектных инфильтраций в пограничных с Бурятией и Калмыкией районах). Об этом свидетельствует и фонетический облик имеющихся в русском монгольских корней, проникших через тюркские языки. Все эти слова выступали в тюркском звуковом оформлении (кыпчакский с уйгурским элементом), являвшегося в период монгольского нашествия на Русь официальным как устным, так

и письменным языком. Общие тюркско-монгольские корни имеют такие слова, как *каймак, карий, бугай, ясак, темляк, маклак, кочерга, курень, бунчу, буран, тесьма, очаг, кайма, кутерьма, буза, бурый* и др., выступающие, однако, в тюркском фонетическом облике. Это же можно сказать о явных собственно монгольских словах: *нукер "дружинник", мерин, ямицик*, вошедших в русский язык через тюркское посредство. Однако отдельные исследователи (например, Т.А. Бергатаев) выдвигают положение о непосредственном заимствовании ряда монгольских слов, например: *мерин, конь, кочерга, богатырь, караул, орда, тесьма, таран, капкан, есаул, ясак, ярлык, ямицик, тайга, конура, волдырь, Ирга* и др.

Влияние финно-угорских языков больше всего ощутили северно-русские диалекты, но и литературный язык воспринял определенное количество слов. Прежде всего это топонимы, например: *Москва, Кама, Волга, Пермь, Вологда, Рязань, Урал* и т.д. Финно-угорское происхождение имеют почти 50% названий рек и озер северной и средней частей России. В литературный язык вошло сравнительно небольшое число финно-угорских слов, например: *камбала, карабас, кулига, лох, палтус, пахтарь, пурга, сайда, салака, семга, сиг, сорога, таймень, тундра, хариус, нерпа, шуга, ясель* и др. Значительно большее количество заимствований финно-угорского происхождения в говорах и диалектах. Так, в "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера их насчитывается 315 (включая слова западнофинского происхождения). Отдельные слова, разумеется, попали и в литературный язык (*тундра, пельмени* и др.).

В русском языке прочно осели молдавские слова, усвоенные в результате тесных взаимоотношений между восточнороманскими (молдавский и румынский) и славянскими народами. Эти слова в большинстве своем обозначают скотоводческие понятия: *брынза* – вид сыра из овечьего молока, *кошара* – овечьий загон, *муругий* (о животных) – рыже-бурой или черно-бурой масти, *папуша* – пачка, связка сухих листьев, *цигейка* – стриженный и обычно крашенный мех козы, куртка из такого меха, *арнаут* – ополченец войск гетеристов; добровольный ополченец, слуга, *гальбин* – старинная молдавская золотая монета, *каруца* – молдавская телега. Эти и другие молдавские заимствования широко использованы в произведениях Гоголя, Пушкина, Л. Толстого, Шолохова и др.

Несомненен и факт проникновения в русский язык лексических элементов близкородственных украинского и белорусского народов. Однако далеко не все случаи заимствования можно определить, так как генетическая и структурная близость не всегда позволяет отделить "свое" от "чужого". Тем не менее уже выявлены десятки таких заимствований, например, украинские: *вареники, бублики, черевички, хутор, хлопец, парубок, косовица* и мн. др. Украинскому обязан русский язык наличием образований типа *Одессина, Полтавщина* и др. В русском бытует также немало пословиц и поговорок, например: *Вкусные вареники у нас, да готовили, пане, не про вас. Без музыки, без дуды идут ноги не туды* и под.

Обогащение русского языка за счет других языков народов страны вопреки утверждениям некоторых языковедов, – не пройденный этап. Местные русские диалекты, как и прежде, испытывают влияние национальных языков соседних народов. Как показывают специальные исследования, заимствуемые слова чаще всего бывают связаны с топонимикой или предметами и специфическими понятиями данного народа. Как отмечает, например, Л.Е. Элиасов, из 12 тыс. взятых на учет в пределах Бурятской АССР и Читинской области мест, гор, рек, озер, проток, долин, урочищ, сел, приисков, охотничьих и сельскохозяйственных угодий, около 11 тыс. носят нерусские названия. Нерусские названия в Забайкалье составляют более 90% от общего числа зарегистрированных местных названий. Они, безусловно, даны бурятами и эвенками. Характерно, что местные русские не осознают уже иноязычное происхождение сотен заимствованных слов и выражений.

Существует ряд других аналогичных исследований местных русских диалектов. В них выявлены интересные закономерности, свидетельствующие о непрерывающихся процессах взаимодействия русских диалектов с местными языками. Усвоенные диалектами слова выступают как часть обычной диалектной лексики, являющейся резервуаром дальнейшего пополнения богатств литературного языка. В настоящее время можно считать общепринятым положение о том, что в результате проникновения заимствованных слов язык не только не теряет своей национальной самобытности, но и совершенствуется. Однако в прошлом существовали отдельные концепции, согласно которым считалось, что заимствованные слова лишали языки их национального колорита. Еще А.С. Пушкину приходилось давать отпор авторам подобных "установок". В 1825 г. в статье "О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова" он писал: "Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, а собственным обилием и превосходством". Говоря о заимствованиях в русском языке, необходимо отметить обширные лексические пласты, усвоенные из различных зарубежных языков. Трудно указать какой-нибудь раздел словаря русского языка, где бы нельзя было обнаружить заимствованных слов. Как указы-вают проведенные лингвистами исследования, различные группы иностранных слов проникали в русский язык в разные эпохи и из разных языков. При этом, в зависимости от конкретных исторических событий и взаимоотношений русского народа с другими, поток заимствований из одних языков усиливался, а из других, наоборот, убывал.

Процессы взаимодействия и взаимообогащения языков народов нашей страны за последние десятилетия характеризуются особыми закономерностями. Во-первых, заимствуемая лексика в основном утверждается через литературный язык, хотя и через устную речь (в особенности диалектную) по-прежнему продолжается усвоение иноязычных слов. Именно литературный язык благодаря печати, радио, телевидению становится главной ареной процессов взаимообогащения языков. Во-вторых, основные процессы взаимообогащения языков народов страны приобретают, если так можно сказать, "централизованный" характер. Это значит, что из ограниченных, локальных, эти процессы становятся неограниченными благодаря посредству русского языка. Если раньше речь могла идти в основном о взаимообогащении языков соседних народов, то теперь богатства многочисленных языков, попадая в русский, могут быть далее усвоены другими языками. На эту роль русский язык, вобравший в себя богатства также многих зарубежных языков, выдвинула сама история.

Русский язык – родной язык многомиллионного русского и близкородственный язык украинского и белорусского народов. В силу исторических особенностей развития нашей страны знание русского языка издавна распространено и среди других наций и народностей. Будучи языком наиболее развитой нации, оказавшейся во главе революционных преобразований в нашей стране и заслужившей любовь и уважение всех других народов, русский язык стал, естественно, превращаться в язык общения и сотрудничества всех народов многонационального государства, по мере того как усиливались экономические и производственные межнациональные связи, интенсифицировалась интернационализация населения, стирались психологические преграды и на их месте расцветали братская дружба, доверие и взаимопомощь. Сходства и соответствия в языках страны, обусловленные воздействием русского языка, проявляются: 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских выражений в калькировании их; 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой; 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка; 4) вообще усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации [Виноградов 1945: 165].

Наиболее быстро развивающимся разделом словарного состава любого литературного языка является терминология. В большинстве языков народов страны

70–80% новых научно-технических, общественно-политических, учебно-педагогических и других терминов составляют заимствования из русского языка и через него из других языков. Таким образом, вопрос о развитии терминологии литературных языков имеет прямое отношение к вопросам о роли русского языка в развитии других языков народов страны, о месте русских лексических заимствований в их словарном составе. Влияние русского языка по-разному сказывается на литературных языках, что во многом связано с давностью литературных традиций тех или иных языков. В старописьменных языках – таких, как украинский, армянский, грузинский, азербайджанский, узбекский, таджикский, литовский, латышский, эстонский и др., – еще до революции сложилась довольно богатая терминология. Поэтому они меньше нуждались в заимствовании терминов, чем младописьменные (аварский, башкирский, лезгинский, кабардино-черкесский, чеченский, ингушский, карачаево-балкарский, адыгейский, каракалпакский, алтайский, хакасский и др.). В младописьменные языки заимствованы из русского и через его посредство тысячи слов и терминов из самых различных областей общественной жизни: а) общественно-политические термины: *партия, совет, колхоз, космонавт, совхоз, социализм, капитал, съезд, философия* и др.; б) термины, связанные с производством: *бригада, звено, веялка, сортировка, трактор, поток* и т.д.; в) названия учреждений: *институт, техникум, педучилище, совнархоз, поликлиника, книготорг, филиал* (Академия наук) и др.; г) виды транспорта: *автобус, самолет, такси, катер, паровоз, автомобиль* и др.; д) военные термины: *танк, колонна, миномет, лейтенант, майор, маршал, катюша, старшина* и т.д.; е) меры веса, длины и т.п.: *тонна, грамм, литр, пол-литра, метр, километр, сантиметр* и др.; ж) наименования профессий: *шофер, летчик, тракторист, комбайнер, механик, монтер* и др.; з) глаголы, связанные с развитием промышленности и сельскохозяйственной науки и техники и т.д. Разумеется, заимствованные из русского (и через него) слова и термины осели в разных языках по-разному. Входя в активный состав словаря, они не могли известным образом не адаптироваться под влиянием внутренних законов конкретных языков. В этом отношении характерно деление всех заимствований на три больших пласта – дореволюционный и после-революционный (советский), постсоветский. В постсоветский период во взаимоотношениях между языками народов страны происходят определенные изменения.

Последний, **шестой этап языкового планирования**, начинается с так называемых "переломных лет" (1989–1995), о которых необходимо сказать несколько более подробно, хотя о них уже говорится в ряде специальных работ этнолингвиста М.Н. Губогло и языковедов В.М. Алпатова, А.Н. Баскакова, В.Ю. Михальченко, В.П. Нерознака, В.М. Солнцева и некоторых других. Последнее десятилетие очевиднейшим образом показало, в какой непосредственной связи могут оказаться судьбы языков и культур от политики, проводимой правящими кругами. В конце восьмидесятых – начале девяностых годов значительно утрированные языковые проблемы оказались на острие движения союзных республик за национальный суверенитет. Как подчеркивает М.Н. Губогло, "события, факты и документы позволили относительно логично обозначить суть трех переломных лет, в том числе 1989 г. – как года языковой реформы, 1990 г. – как года суверенизации бывших союзных республик и, наконец, 1991 г. – как года формального распада бывшего СССР" [Губогло 1998: 167]. Однако истоки событий этого периода следует искать в событиях, произошедших десятилетием раньше, ибо основным содержанием всего данного периода языкового планирования служит принятие многочисленных законодательных актов, включая конституционные. Как известно, еще В.И. Ленин резко выступал против идеи *государственного языка*, подчеркивая, что "потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм..." (Ленин, Т. 23: 424–425). В полном соответствии с этой доктриной в

научной и пропагандистской литературе советского периода к понятию государственного языка существовало негативное отношение. Даже русский язык по существу ставший *государственным*, не именовали таковым; ограничивались лишь названием "языка межнационального общения". Эту картину несколько "портили" традиционные положения в конституциях Армянской и Грузинской ССР, в которых соответственно армянский и грузинский определялись как государственные языки этих республик. Фактически же языковая политика в обеих республиках соответствовала общесоюзным стандартам, согласно которым все языки Союза провозглашались равноправными. Все, казалось бы, в этом плане было благополучно и ничто не предвещало "лингвистической бури", первые порывы которой подули во второй половине 70-х гг., когда "обновлялись" конституции союзных республик.

Так, статья 75 грузинской конституции, провозглашавшая грузинский *государственным языком* в ГССР, теперь в опубликованном в марте 1978 г. проекте новой редакции формулировалось следующим образом: "Грузинская ССР обеспечивает употребление в государственных и общественных органах, культурных и других учреждениях грузинского языка и осуществляет всемерную заботу о его развитии. В Грузинской ССР на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех органах и учреждениях русского, а также других языков, которыми пользуется население. Какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются". Проект новой формулировки языковой статьи (№ 75) вызвал настоящую бурю у грузинского студенчества, поддержанного частью профессуры и деятелей культуры. Накануне обсуждения проекта новой конституции на сессии Верховного Совета Грузинской ССР (назначенного на 14 апреля 1978 г.) они организовали внушительную демонстрацию в 10 тысяч человек и, прорвав милицейскую цепь, подошли к Дому правительства под лозунгами "Родной язык". После сложных и жестких переговоров руководство Грузии полностью отступило и было восстановлено конституционное положение о государственном грузинском языке. События в Грузии послужили сигналом и для защитников армянского государственного языка, но их успех уже не был результатом каких-либо силовых актов. Более того, вслед за этим, и в новой конституции Азербайджанской ССР появилось положение, провозглашавшее азербайджанский государственным языком в данной республике.

Тбилисские "лингвистические события" стали детонатором для "языковых бунтов" в Абхазии и Южной Осетии, где до сих пор молча переносили мертворожденное положение о грузинском государственном языке на всей территории Грузинской ССР. Общественность обеих автономий первоначально хотела лишить грузинский язык статуса государственного на их территориях. Затем, после долгих переговоров, пришли к компромиссу, согласно которому в обеих автономиях провозглашалось по т р и государственных языка: в Абхазии – абхазский, грузинский и русский, в Осетии – осетинский, грузинский и русский.

События конца 70-х гг. явились прелюдией того законодательного половодья, которое наступило в стране спустя десять лет. Наиболее активно действовали в этом отношении определенные силы в Прибалтике. Так, 18 января 1989 г. появляется в Эстонской ССР Закон "О языке" республики, согласно которому эстонский язык становится единственным государственным языком на территории республики. Почти одновременно, а именно, 25 января 1989 г. появляется Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР "Об употреблении государственного языка Литовской ССР". 5 мая 1989 г. принимается "Закон Латвийской Советской Социалистической республики о языках". В том же году соответствующие законы о языках были приняты в Таджикистане, Молдавии, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Украине. На год позже, в 1990 г. законы о языках появились также в Белоруссии и Туркменистане, а также поспевший, наконец, "Закон о языках народов СССР" (24 апреля 1990 г.). С опозданием на год, в 1991 г. был принят и Закон РСФСР "О языках народов РСФСР". Как справедливо отмечает В.П. Нерознак, «"Закон о языках народов СССР" фактически только подытожил результаты "огосударствления" титульных языков

союзных республик и наметил перспективы развития титульных автономных республик по этому же пути» [Нерознак 2002: 8].

Это привело к тому, что во всех национальных республиках Российской Федерации уже приняты (в некоторых подготовлены, но еще не приняты) соответствующие законодательные акты в области языкового существования.

Хронология принятия законов о языках

№ п/п	Республика	Название закона	Дата принятия
1.	Чувашия	О языках Чувашской ССР	27 октября 1990
2.	Тыва	О языке в Тувинской АССР	14 декабря 1990
3.	Калмыкия	О языках Калмыкой ССР – Хальмг Тангч	30 января 1991
4.	Татарстан	О языках народов Республики Татарстан	8 июля 1992
5.	Коми	О государственных языках Республики Коми	28 мая 1992
6.	Бурятия	О языках народов Республики Бурятия	10 июля 1992
7.	Саха (Якутия)	О языках в Республике Саха (Якутия)	16 октября 1992
8.	Хакасия	О языках Республики Хакасия	20 октября 1992
9.	Алтай	О языках	3 марта 1993
10.	Адыгея	О языках народов Республики Адыгея	1994
11.	Кабардино-Балкария	О языках народов Кабардино-Балкарской Республики	1995
12.	Марий-Эл	О языках в Республике Марий-Эл	1995
13.	Карачаево-Черкесия	О языках народов Карачаево-Черкесской Республики	1996
14.	Ингушетия	О государственных языках Республики Ингушетия	1996
15.	Башкирия	О языках Республики Башкортостан	1999

В других республиках Российской Федерации как было уже замечено, обсуждаются языковые законодательства. Однако их принятие в дальнейшем, по-видимому, не будет столь фатальным. Дело в том, что параллельно происходят в обществе процессы, направление которых как бы противоположное. Имеется в виду работа над текстами республиканских конституций по их освобождению от положений, противоречащих конституции Российской Федерации. А это как раз те положения (скажем положения о "суверенитете"), на которые опираются во многом законодательные акты в области языка. Думается, настало время некоторого "отрезвления", когда необходимо приостановиться и дать оценку всему сделанному в этой области за последнее десятилетие.

Оценивая языковую реформу в СССР, затем в Российской Федерации, трудно отделаться от мысли, что некоторыми "реформами" руководила не одна забота о более благоприятном развитии и функционировании национальных языков. К сожалению, факты заставляют полагать, что порой "языковой вопрос" становился *новодом* для подготовки и постановки "национального вопроса" в целом. В этой связи особенно огорчительно муссирование языковых проблем в бывших автономных республиках. Показательно, что постановка вопроса о придании языку титульной нации статуса **государственного** сопровождалось появлением в законодательных документах (вплоть до конституций) понятия суверенитета.

Другая мысль, которая также может возникать – это степень целесообразности заниматься лингвистом так тщательно и так долго правовыми проблемами языкового планирования. Зная ограниченность кадров по многочисленным языкам страны, приходишь к выводу, что они значительную часть времени и сил тратят на

бесплодные дискуссии, связанные с принятием многочисленных "законодательных актов". В то же время подлинные проблемы языкового развития и обучения языкам учащейся молодежи остаются без разрушения. Так, почти повсеместно не находят своего полного решения проблемы соответствующих учебников и пособий по родному языку для школьников. То же самое можно сказать о вузовских пособиях по родному языку и литературе. В большинстве республик не составлены толковые словари национальных языков, не ведутся (или прерваны) работы по составлению национальных терминологических словарей и т.д. Вместо непрерывных сетований о слабом использовании родных языков, по-видимому, целесообразнее было бы определение для каждого из них реальных сфер функционирования и создавать условия для их оптимального использования. При этом, разговоры о "конкуренции языков" или "вытеснении родных языков русским" малопродуктивны. Предпочтительнее говорить о "разделении труда" между языками, которые использует тот или иной народ. В этом плане заметно некоторое пренебрежение к проблеме билингвизма в нашей многонациональной стране, хотя двуязычие имеет место в жизни каждого народа и не замалчивать его надо, а реалистически изучать его процессы и использовать его естественные преимущества в каждом регионе, у каждого народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.Е.* 1994 – Языковое законодательство в Дагестане // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994
- Алпатов В.М.* 1994 – Об эффективности языкового законодательства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Алпатов В.М.* 1997 – 150 языков и политика: 1917–1997. М., 1997.
- Баскаков А.Н.* 1994 – Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Виноградов В.В.* 1945 – Великий русский язык. М., 1945.
- Губогло М.Н.* 1998 – Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- Исаев М.И.* 1979 – Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979.
- КПВ 1931 – Культура и письменность Востока. Т. VII–VIII. М., 1931.
- Михайльченко В.Ю.* 1994 – Концепция законов о языках в республиках Российской Федерации: проблема социально-лингвистической адекватности // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Нерозник В.П.* 2002 – Языковая ситуация в России 1991–2001 // Государственные и титульные языки России. М., 2002.
- Пиголкин А.С.* 1994 – Законодательное регулирование языковых проблем в Российской Федерации // Языковые проблемы и законы о языках. М., 1994.
- РП 1933 – Письменность и революция. Вып. 1. М.; Л., 1933.
- РП 1932 – Революция и письменность. Вып. 1–2. М., 1932.
- Тышлер И.С.* 1964 – К вопросу о борьбе между английским языком и нормано-французским в Англии в XI–XIV столетиях // Язык и общество (тезисы научных сообщений). Саратов, 1964.
- Шухардт Г.* 1950 – Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Щерба Л.В.* 1958 – Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. М., 1958.